

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В.Д. Жукоцкий

Жукоцкий Владимир Дмитриевич
доктор философских наук, профессор
Нижевартовского экономико-правового
Института -филиала Тюменского
государственного университета
(г. Нижневартовск)

Историческое своеобразие русского пути в вопросах политики и права всегда упиралось в православно-догматическую традицию *самодержавной* власти, верховенства и самодостаточности *Закона Божия* и сопутствующего ему правления «помазанника» – монарха, наделенного ко всему прочему статусом Главы церкви. Это византийское установление действовало в России почти безраздельно вплоть до начала XX века, когда под действием первой русской революции 1905-1906 гг. появились первые признаки *конституционализма*, которые, правда, не отменили абсолютистской монархии, но обозначили необратимый вектор развития в сторону подлинного *конституционализма*.

Слабость и беспомощность монархических институтов к февралю 1917 года привела к тому, что Россия проскочила шанс установления *конституционной монархии* и сразу оказалась в объятиях безмонархического *республиканизма*, т.е. такой формы правления, которая не имела у нас какой-либо традиции, а значит, и не могла быть наполнена соответствующим содержанием. Попытка Временного правительства вдохнуть в республиканскую форму правления чисто

либерально-демократическое содержание без реального союза с консервативной традицией была обречена на поражение. В этих условиях на первый план исторических событий вышла *социально-демократическая* доминанта. Как известно, за нее на выборах в Учредительное собрание в 1917 году проголосовало почти 85% населения России. Именно такое количество голосов набрали социалисты-революционеры (правые и левые), народные социалисты и социал-демократы (большевики и меньшевики). Но это была такая форма «левизны», которая по причине своей радикальности была ведома могучей силой исторической инерции самодержавной власти, став формой *«самодержавия народа»*. К этому статусу ее подталкивало и отчаянное сопротивление старой России в лице монархистов и церковников, ставших организующим центром гражданской войны. Вот почему *русская революция 1917 года* – столь противоречивое явление, собравшее в один узел всю сумму накопившихся проблем и разрубившее их одним ударом, стала эпохальным событием всей русской истории в ее необратимом переходе от патриархальности в современность.

Как бы мы ни оценивали с политической точки зрения это событие, 7 ноября (25 октября) 1917 года, даты прихода к власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, именно оно и последовавшее за ним законоположение Советской власти знаменуют собой начало собственно *Конституционной формы правления* в России. В этом состоит глубокий исторический смысл Праздника, который мы теперь стыдливо именуем *Днем примирения и согласия*. В большом общеисторическом смысле русская революция для того и совершалась, чтобы *ПРИМИРИТЬ*, наконец, верхи общества со своим народом, чтобы изжить зловонный дух «русского барства». Об этой *необратимости* русской революции, при всех ее крайностях, писал и великий русский философ XX века Н.А. Бердяев.

Вот почему, снимая стыдливую форму этого Праздника, мы должны признать, что подлинное имя его – *День Революции*.

Нужно ли стесняться или ненавидеть это слово, если все страны мира прошли через свои революции, чтобы выйти, наконец, из патриархальности феодализма в современность буржуазного и социального развития? При этом очень немногим странам выпала честь проведения

таких национальных революций, которые становились знаковыми для всех остальных стран мира. Россия с ее *русской революцией 1917 года* оказалась среди избранных. Это предмет нашей национальной гордости.

Особенность русского характера с его фатальной склонностью к мессианской идее проявилась в том, что это событие русской революции обрело черты *всемирности*, актуальной значимости для судеб всего мира. Эта радикальная новация русской революции состояла в утверждении принципов *социального демократизма* на высшем уровне *Конституционного права*. Советская Россия была первой страной на этом пути государственного признания социальных и культурных прав человека труда. В дальнейшем на этот путь встали все страны мира, смягчив лишь форму реализации этих прав. Утверждение принципов *социального демократизма* стало общепринятой нормой в конституционной практике XX века. Чтобы понять логику преемственности в этом событии, необходимо заглянуть в его всемирно-исторический контекст.

История конституционализма – это история перехода от христианской традиции абсолютистской монархии к светской традиции республиканизма и демократизма, утверждающей действительный принцип Права – равенство всех людей перед одним законом – Конституцией.

Великая французская революция, провозгласившая *Декларацию прав человека и гражданина*, впервые в истории человечества отменила сословия, поставив всех людей в равное отношение уже не только перед Богом, но и вполне земным законодательством.

Принцип формального равенства всех граждан перед одним законом – Конституцией, вошёл в историю под названием «буржуазного права». Этот принцип расчистил дорогу буржуа, его экономическому господству, переходящему в политическое господство. Аристократ вынужден был уступить место «денежному мешку», вступая в унизительную для себя сделку, где предметом торга становилась высокая культура аристократической традиции. Этот торг по-своему продолжается и сегодня в виде обостренных аргументов за или против «массовой культуры».

Разрешив одну историческую проблему, «буржуазное право» лишь обозначило решение другой, возможно, ещё более радикальной проблемы – выхода на историческую арену широких народных масс. Формальное равенство перед законом дало право на власть и собственность всякому гражданину. Но логика и способ функционирования *капиталистической частной собственности* поделили всех людей на собственников и людей, лишённых собственности. Капитализм в чистом виде лишает большую часть граждан государства одного из трёх фундаментальных, закреплённых в

анналах либерализма, *естественных прав* человека – права на собственность (сохраняя при этом право на жизнь и формальную свободу). Уже в XIX веке стало ясно, что существует два варианта выхода из этого конституционного противоречия.

Первый – либеральный – строился на принципе приобщения граждан к собственности через инструмент *акционирования*, и, хотя он не разрешал проблемы целиком, но создавал буфер между крупным собственником и не-собственником и, по крайней мере, гасил остроту противоречия, откладывая его действительное разрешение на неопределённое будущее.

Второй, напротив, ставил вопрос ребром: как в принципе может быть разрешен этот парадокс буржуазного конституционализма? И отвечал: необходимо приобщение всех граждан государства к институту собственности через инструмент коллективной и общегосударственной собственности. Но и здесь в свою очередь обнаружилось два варианта развития.

Первый – социал-демократический – строился на политическом компромиссе. Государство, в лице правительства и законодательного органа, должно включиться в систему отношений между собственником и не-собственником на принципах создания механизма *перераспределения* общественного богатства от имущих к неимущим через прогрессивное налогообложение и создание широкой сети социальных программ от имени государства и правительства.

Второй – коммунистический вариант развития конституционализма – связан с радикальным пониманием теории и практики исторического процесса. Особенность коммунистического приобщения к собственности состоит в том, что общественная собственность, к которой причастен каждый гражданин, не столь непосредственная как частная собственность; её эффективность зависит от множества глобальных условий: реального демократизма в системе управления, прозрачности социальных и политических отношений, международного мира и многих других. Но она несёт в себе идею радикального прорыва в будущее, а главное, идею окончательного разрешения *парадокса* буржуазного права. Это вывод конституционного устройства общества на качественно иной уровень, когда равенство граждан перед законом не только провозглашается и прописывается в Конституции, но и гарантируется со стороны государства на принципах достижения основ *социально-экономического* равенства и равновесия.

До начала XX века этот вопрос стоял только в теоретической плоскости. Но именно русская революция, достигшая своей кульминации в *Октябре 1917 года*, перевела его на практические рельсы.

Русская революция ознаменовала собой начало новой эпохи во всемирной истории

конституционализма: принципы *социального демократизма* были впервые закреплены на уровне конституционной практики. Во всех конституциях стран Западной Европы, принятых после второй мировой войны, будь то Франция, Германия, Испания, записана конституционная норма «*социального* правового государства» со всей совокупностью взятых на себя государством обязательств по соблюдению социальных прав человека труда. И хотя нынешняя постсоветская конституция Российской Федерации допустила ряд отступлений от достигнутых «исторических завоеваний трудящихся», она сохраняет все подобающие приличия «социального правового государства», путь к которым впервые проложила русская революция.

Трагизм современной политико-правовой ситуации в России связан с тем, что за внешними конституционными *приличиями* скрывается вопиющее *неприличие* лицемерной практики радикального либерализма, попирающего элементарные социальные нормы во имя своекорыстной стратегии грабежа национального достояния и бегства капиталов. Все, на что хватает пока власти, так это делать хорошую

мину при плохой игре и быстро реагировать на личные выпады олигархического, по сути своей компрадорского, капитала против первого лица в государстве. Для сохранения и поддержания основ конституционализма в современной России этого явно недостаточно.

Возникает вопрос: что мешает нашей правящей политической элите принять все разумное, что предлагает сегодня левопатриотический блок и не доводить дело до очередной революции? Что мешает нам реализовать японскую модель политико-правового устройства, когда одна правящая партия – либерально-демократическая партия Японии, на протяжении полувека бесценно консолидирует нацию на принципах политического *центризма*, вбирающего все разумное, что предлагают и справа, и слева? Но для этого «Единой России» нужно как минимум перестать быть партией жиреющей российской бюрократии и взять на себя центристскую политическую роль не на словах, а на деле. Нужно, наконец, повернуться лицом к социалистическим (или социальным!) императивам нашего времени.

А.М. Воробьев

ЭЛИТА И НОМЕНКЛАТУРА

Воробьев Алексей Матвеевич
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Политическая элита, как сейчас принято называть руководителей высших эшелонов власти, в советские времена формировалась из партийного и комсомольского актива, вырастала из секретарей партийных и комсомольских организаций крупных предприятий, районов, городов. И это был не

худший вариант подбора кадров, поскольку молодые люди получали необходимую закалку, варились в «народнохозяйственном» котле. Конечно, порой этого не хватало; чтобы достичь политического Олимпа, необходимы были поддержка, связи. Как говорили про одного лидера: «Он инвалид - живет на Урале, а рука - в Москве». Кроме всего прочего, действовал принцип патриархальной политической культуры, покровительства со стороны старших к младшим. Так, кстати сказать, поступали не только коммунисты в СССР, но и в других странах, буржуазных партиях Запада.

Советский опыт рекрутирования политических элит использовался даже в США. Настоящая «советская» биография у Джорджа Буша-старшего: фронтовой летчик, бизнесмен, конгрессмен, дипломат, директор ЦРУ, вице-президент, и, наконец, президент США.

В формировании властных элит государств, независимо от политического строя много схожего. Так, во всяком случае, еще было недавно. Но в последние десятилетия, особенно в России, эта отлаженная система была сломана. Во власть стали приходить люди во многом случайные, не имеющие необходимой подготовки, практического опыта. Их «выталкивали» наверх связи, нарождавшийся бизнес.

По большому счету следует согласиться с известным философом, социологом и писателем А. Зиновьевым о том, что сегодня к руководству